

ных языках (диалектные формы других языков приводятся редко); 3) дополнения и уточнения к фактам, нашедшим отражение на карте.

В качестве приложения напечатан вопросник для изучения словацких говоров, индекс слов и форм вопросника, список лиц, заполнявших вопросник, с указанием населенных пунктов, перечень и характеристика 328 избранных населенных пунктов, алфавитный список картографически обработанных слов и, наконец, список литературы по общей и словацкой диалектологии.

Изображение языкового явления в одном слове и на одной карте неизбежно носит статический характер. Динамическое объяснение возможно лишь в связи с другими картами и на фоне других явлений. Только в этом случае получает смысл сопоставление с языковыми явлениями причинного порядка, системой языка и выяснение внеязыковой обусловленности языковых явлений. Именно поэтому перед нами не атлас слов, а атлас языковых (в данном случае фонетических) явлений.

При интерпретации любого лингвистического атласа важно учитывать, что многие слова и формы одинаковы на всей

территории распространения того или иного языка, что именно они образуют базу языкового целого. Дифференциальные явления выступают лишь как составная часть этого языкового единства. Обычно территориально дифференцированное языковое явление отражает движение общества в определенном направлении. Данные атласа о дифференциации языковых явлений после соответствующей конфронтации с общественными, экономическими, культурными, колонизационными и другими историческими фактами, которые оказывали влияние на внутренний характер и внешний ход языковых изменений и от которых зависели и зависят дифференцирующие и нивелирующие процессы, помогут осветить внутреннюю и внешнюю историю словацкого языка, историю формирования словацкой этнической группы и ее культуры. Более глубокому познанию этих проблем будут способствовать также сопоставления с соседними и отдаленными славянскими языками. Именно поэтому появление первого тома атласа следует отнести к событиям общенационального словацкого значения.

Н. А. Кондрашов

I. Batori. Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen. — Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1969. XVIII + 170 стр. («Ural-altaische Bibliothek», XVII).

Коми язык, как и другие пермские языки, исключительно богат сложными словами (композиитами) самых разнообразных типов. Между тем вопросы словосложения коми языка во всем их объеме до сих пор не получили должного освещения в нашей лингвистической литературе¹.

Рецензируемая книга И. Батори, посвященная в основном исследованию проблемы сложного слова в коми языке, состоит из введения (стр. 1—10) и двух основных разделов: а) сочинение (koordination) и сочинительные композиты (стр. 11—87) и б) подчинение (subordination) и подчинительные композиты (стр. 88—170).

В введении вкратце освещены общие вопросы словосложения, которое является одним из важнейших средств обогащения словарного состава языка. Образование новых лексем путем сложения слов занимает в разных языках различное место. Доминируя, например, в венгерском, финском и современном немецком языках, этот способ сравнительно мало применяется во

французском и русском, что компенсируется здесь большой продуктивностью аффиксального образования, широким употреблением свободных словосочетаний и т. п.

В отношении структуры слова, например, древний индоевропейский язык коренным образом отличался от древних финно-угорских языков. В индоевропейских языках слово — это корень плюс словообразовательный суффикс и плюс окончание. Синтаксическая самостоятельность основы (не говоря уже о корне) была весьма ничтожна; форма им. падежа ед. числа была образована путем присоединения соответствующего падежного окончания (ср. ст.-слав. *вѣкъ-ъ*). В финно-угорских же языках основа слова является формой им. падежа ед. числа, синтаксическое употребление основы слова весьма широко: она может быть и подлежащим, и дополнением, и определением. Так обстоит дело в настоящее время в большинстве финно-угорских языков (исключение представляют прибалтийско-финские языки, где произошла дифференциация между основой слова и формой им. падежа ед. числа). Коми язык и другие пермские языки хорошо сохранили рассматриваемую черту финно-угорских язы-

¹ Некоторые из этих вопросов разработаны в кн.: А. [С.] С и д о р о в, Порядок слов в предложении коми языка, Сыктывкар, 1953.

ков, что способствовало слиянию основ слов и образованию композитов.

И. Батори рассматривает композиту как продукт языковой концентрации двух (или нескольких) самостоятельных носителей значения; он указывает на семантическое и формальное единство композиты, как и простого слова (см. стр. 6). Композиты обычно развиваются из свободного словосочетания (из синтагмы, по терминологии Батори). Эволюция синтагмы в композиту происходит постепенно, поэтому в этом развитии резкой грани между ними нет.

И. Батори, подчеркивая невозможность отрывать содержание от формы, указывает, что формальное сращение может вести к изоляции значения и, наоборот, новое изолированное значение может вызвать формальное слияние. Все это может случиться, но практически далеко не всегда наблюдается: очень часто сочетание слов, употребляемое с изолированным значением, не имеет формальных признаков композиты (например, коми *корт туа* «звезда»). И. Батори, относя такие сочетания слов к композитам, явно отдает предпочтение семантической стороне их. По его мнению, «формально разграничить композиту от синтаксического сочетания невозможно, и принципиально это разграничение предоставляется с е м а н т и к е» (стр. 170).

Благодаря такому воззрению круг лексико-синтаксических явлений, приводимых под рубрикой композиты, в рецензируемой книге весьма широк. Часть языкового материала, которым оперирует И. Батори, безусловно, можно отнести к свободным словосочетаниям (синтагмам) и фразеологизмам, а не к сложным словам (композитам).

В разделе, посвященном сочинительным композитам, детально излагаются такие случаи словосложения, когда составные элементы равнозначны, равноценны (*бать-мам* «родители», буквально «отец-мать»; *ныр-вом* «лицо», буквально «нос-рот»). Приводится несколько сот примеров на сочинительные композиты и рассматриваются они в разнообразных аспектах: композиты, образованные от корней; из производных основ; из слов-близнецов, из повторов слов и т. д.

Композиты рассматриваются по частям речи составляющих их компонентов: существительные, прилагательные, числительные и т. д. Внутри этой классификации проводится рубрикация по грамматическим и семантическим признакам. Так, например, в разделе существительных выделяются: а) бессуффиксные формы, обозначающие родственников (*ныя-ни* «дети»), части тела (*ты-мус* «внутренности», буквально «легкие и печень»), животных (*ава-мис* «крупные домашние животные», буквально «лошадь и корова»), посуду (*мастти-нань* «посуда», буквально «миска-ложка»), одежду (*дэрым-гач* «белье»,

буквально «рубашка-штаны»), природные явления (*вэ-ра* «природа», буквально «лес-вода») и др.; б) случаи, когда оба сочетающихся компонента снабжены суффиксами: существительные: *ая-пия* «отец и сын, отец с сыном»; ср. прилагательные: *айтэм-мамтэм* «сирота» (буквально «без отца-без матери»); числительные: *кы-куим* «два-три»; изобразительные слова; *грым-йирка* «с грохотом» (здесь оба компонента — звукоподражательные слова); глагольные сочинительные композиты (Батори употребляет термин *Zusammengückung*, т. е. «соположение»): *кытб-катб* «плывет (по реке)», буквально «плывет вниз по течению-плывет вверх по течению»; *сёны-юны* «спитаться», буквально «есть-пить»; *олан-вылан!* «здравствуй!» (буквально «живешь-бываешь») и т. д.

Проведены интересные наблюдения, касающиеся фонетики композитов: если один из компонентов начинается с губного согласного, то он будет стоять на втором месте, например: *дыка-мдыка* «радуга» (буквально «бык и корова»), *сёбры-бёбры* «друг за другом», где компоненты являются синонимами, обозначающими «за (кем-либо идти), *корыс-вотыс* «нищий» (буквально «просящий-собирающий»), *юасын-вистасын* «производить расспросы» (буквально «спрашивать-рассказывать»), *ныр-вом* «лицо» (буквально «нос-рот») и т. д. В этих сочетаниях сама семантика композиты не требует данного порядка следования составных ее частей — с точки зрения их значения можно было бы (теоретически) упорядочить их и в обратном порядке, однако практически это не делается. Лишь в отдельных случаях первый компонент начинается на губной согласный: *выр-ай* «тело» (буквально «кровь-мясо»), *пась-кэм* «одежда» (буквально «шуба-обувь»).

И. Батори замечает, что тенденция ставить на второе место слово с начальным губным согласным наблюдается, главным образом в тавтологических композитах и что в них, вероятно, в первую очередь произошло закономерное звуковое преобразование второго компонента. Тавтологические композиты в коми языке встречаются в большом количестве: *чукыль-мукыль* «кривизна», *тырлы-мырлы* «бессмыслица», *туд-буд* *петкёбны* «выболтать», *торд-борд* «трещотка, болтун», *тринь-бринь*; *мунны* «идти подпрыгивая», *гыжъя-вежъя* «копытное животное», *зи-ли-били* «звук колокольчика» и т. д. В тавтологических композитах второй компонент, часто не несущий смысла и представляющий собой фонетически измененный вариант первого компонента, обычно начинается со звонкого губного согласного (м, б); эти м, б, по-видимому, выполняют роль усилителя, делая второй компонент более звучным, чем первый. Вероятно, тавтологические сочетания оказали влияние и на другие парные сочетания — этим только

можно объяснить появление того порядка расположения компонентов, о котором была речь выше.

В изобразительных парных сочетаниях второй компонент является обычно ударным и имеет гласный звук более широкого образования, чем первый компонент: *быз-баз* «бултых», *гур-гар* «шарх (о тарахтении)», *гыль-гдыль* «бряк, звяк (разбиваться, например, стекло)», *пущ-пысь* «вдребезги (разбиться)» и т. д. (у А. С. Сидорова это явление иллюстрируется свыше 30 примерами)².

Образование парных сочетаний типа *ая-пия* «отец и сын», *шыра-каны* «мышка и кошка», *ныла-зоныла* «девушка и парень» в коми языке — явление абсолютно продуктивное, можно сочетать любые два слова одного разряда, любые два существительных, два прилагательных и т. д. *Петыра-Семена* («Петр и Семен»), *пызана-удба* «столы и стулья» *гырыса-посния* «крупные и мелкие», *тэа-меа* «мы с тобой», *ветлоб-мунб* «путешествует» и др. Поэтому в коми грамматиках причисляют их не к композитам, а к особому типу словосочетаний — парным словосочетаниям; Батори же относит их к композитам.

Многие другие виды сочинительных сочетаний слов также стоят к свободным словосочетаниям или фразеологизмам, чем к сложным словам (композиатам), например: *катиша-рака* «хищные птицы», *сэян-юан* «пища», *олбм-вылбм* «жизнь» и др. Несомненно, относятся к композитам и такие парные сочетания, в которых один из компонентов в современном языке уже не осмысливается (*кджмжот* «обувь», *изки* «жернов», *кыввор* «дар речи» и др.); а также такие, которые означают понятие, не являющееся суммой значений составных элементов (*ныреом* «лицо», *лысьбм* «костяк», *тымус* «внутренности» и т. д.).

Во втором основном разделе книги, построенном по тому же плану, что и первый, сначала рассматривается подчинение (субординация) в синтаксическом аспекте, затем трактуется вопрос о роли подчинения в словотворчестве. На богатом фактическом материале из коми языка и некоторых других пермских языков показаны различные способы образования подчинительных композит, и прослеживается, как на базе свободных подчинительных словосочетаний (синтагм) формируются композиты. Так, например, генетивную определительную конструкцию *морталн юр* («лн — окончание рода падежа») «голова человека» Батори считает свободным словосочетанием (синтагмой). В то же время бессуффиксную модель *морт-юр* «человека голова» (буквально «человек-голова»), выражающую постоянный признак (в данном примере — свойственный телу человека, часть его; ср. *кбр-юр* «голова оленя», *мбс-юр* «го-

лова коровы») он рассматривает как композиту (стр. 98). В таком плане устанавливаются и другие подчинительные композиты.

В работе дан обстоятельный обзор самых разнообразных видов композит, первый элемент которых находится в подчинительном отношении ко второму: *пызан* «нос стола ножка», *ыжжук* «овцы шкура», *пыж ныр* «лодки нос», *вом дор* «губы» (буквально «рта край»), *юр вем* «головы мозг, головной мозг», *чунь кыши* «кольцо, перстень» (буквально «пальца круг»), *синва* «слеза» (буквально «глаза вода»), *инь ош* «медведица» (буквально «самка-медведь»). В модели этого типа первый компонент является существительным, стоящим в атрибутивном им. падеже.

Этот способ образования подчинительных композит (и композитоподобных словосочетаний), по мнению автора, в пермских языках является самым распространенным.

И. Батори сильно расширил круг композит прежде всего за счет свободных словосочетаний (синтагм). В современных грамматиках пермских языков считают свободными и пишут раздельно такие словосочетания, как, например: *пызан* «нос ножка стола», *пыж ныр* «нос лодки», *юр вем* «головной мозг», *инь ош* «медведица» и мн. др.

Кроме того, некоторые «композиты» в современном коми языке воспринимаются как цельное слово, поскольку вторая часть их полностью грамматикализована, например: *буралун* «доброта» (*бур* «добрый», *-лун* — абстрагирующий словообразовательный суффикс, в прошлом в словах такого типа *лун* означал «день»), *озыр-лун* «богатство» (*озыр* «богатый»), *том-лун* «молодость» (*том* «молодой»). И. Батори эти слова относит к композитам, с чем нельзя согласиться, поскольку при помощи *-лун* от многих качественных прилагательных образуются существительные, обозначающие абстрактное качество: *гдыль* «бедный» — *гдыльлун* «бедность», *йдыл* «глупый» — *йдыллун* «глупость», *дыш* «ленивый» — *дышлун* «леность» и т. д.

В то же время не возникает сомнения в том, что к сложным словам (композиатам) относятся примеры типа: *балабдж* «затылок» (буквально «хвост ягненка»), *орды* «ребро» (буквально «бока кость, боковая кость», *орд* в отдельности не употребляется), *дышинов* «двор, площадка, место перед окном» (буквально «под окном место»), *посеодд* «сени» (буквально «перед лестницей»), *талун* «сегодня» (буквально «сей день», *та-* отдельно не употребляется), *изтбг* «спички» (исторически «каменная сера», но *тбг* «сера» забыто), *ичмонь* «молодуха» (буквально «маленькая, младшая сноха», *ич-* в отдельности не употребляется), *шомйб* «простокваша» (буквально «кислое молоко», но в современном языке «кислый» — *шома*) и др. В каждом из приведенных слов можно видеть формаль-

² А. С. Сидоров, указ. соч., стр. 88.

ные признаки слияния двух слов в одно; неслучайно в коми литературном языке они пишутся слитно.

В целом ряде случаев трудно установить — композита это или же свободное словосочетание подчинительного типа, например, *kört туй* «железная дорога», *kört тув* «вездь» (буквально «железная втулка»), *kört зыр* «заступ» (буквально «железная лопата») и др. Такие слова (а их

очень много) все же тяготеют к свободным словосочетаниям; одно время они писались слитно, теперь в коми языке принято раздельное их написание.

В заключение следует признать, что труд И. Батори является прекрасным исследованием важной и почти неизученной проблемы лексикологии пермских языков.

В. И. Лыткин

W. Fleischer. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.—Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1969. 327 стр.

Книга В. Флейшера «Словообразование современного немецкого языка» представляет собой, среди имеющихся в нашем распоряжении работ, наиболее подробное и тщательное описание словообразования современного немецкого языка с синхронной точки зрения. Именно синхронный подход отличает рецензируемую книгу от известной работы В. Хенцена «Немецкое словообразование»¹, в значительной степени продолжающей традиции младограмматиков, в первую очередь в отношении диахронической направленности, хотя ее автор, по его собственному заявлению, и стремился создать «более современное руководство»². За последние годы в отечественной и зарубежной германистике появилось немало исследований, посвященных отдельным вопросам словообразования, как и соответствующих разделов в книгах по грамматике и по лексикологии³. Большинство современных работ имеют четко выраженную синхронную направленность, однако не представляют так полно и подробно, как рецензируемая книга, систему современного немецкого словообразования в целом. Именно две черты: синхронное освещение системы словообразования и его полнота характеризуют работу В. Флейшера. Нельзя не отметить, что синхронный план описания не исключает рассмотрения данного среза как итога предшествующего развития: автор книги — тонкий историк языка — с большим тактом, не сходя с позиций синхронии, приводит отдельные исторические справки там, где это является необходимым для понимания современного состояния сис-

темы. Следующим моментом, на котором следует остановиться, является широкая осведомленность автора в отношении современных трудов, в той или иной степени связанных с теорией словообразования: имеются в виду труды как немецких авторов, так и ученых других стран, в первую очередь СССР. С этой точки зрения рецензируемая книга является полезным руководством, знакомящим читателя с широким кругом работ. Следует указать и на то, что книга В. Флейшера, имеющая в большой степени описательный характер, отражает и ряд теоретических положений автора, подчас спорных (см. ниже), но проводимых им с достаточной последовательностью. Методика исследования представляет собой разумное использование отдельных приемов современного лингвистического анализа; в то же время в книге можно найти ряд положений классической немецкой грамматики, не потерявших значения до сих пор.

Работа В. Флейшера не может быть отнесена к числу структуральных, однако основой словообразовательного анализа в ней является членение основ на непосредственно составляющие, сопоставляемое с морфемным анализом и противопоставляемое ему; применяются, далее, методы дистрибуции и субституции и, частично, трансформационный анализ, в плане преобразования лексических единиц в синтаксические структуры. Значительное место в книге занимает применение таких понятий функциональной грамматики, как оппозиция (отдельных словообразовательных моделей и средств, что находит отражение в интересных таблицах — см. ниже), позиционные варианты и др. С другой стороны, справедливо критикуя методологические основы «словообразования, ориентированного на содержание», западногерманских ученых (в первую очередь Л. Вейсгербера), В. Флейшер признает возможность использования отдельных положений этой теории (стр. 20). В дальнейшем, проводя фактический анализ, автор исходит при внутренней классификации моделей в

¹ W. Henzen, Deutsche Wortbildung, Halle — Saale, 1947; 2-te Aufl. — Tübingen, 1957; 3-te Aufl. — Tübingen, 1965.

² W. Henzen, указ. соч., 1947, стр. VII.

³ См. также: М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953.